

Джонатан СВИФТ

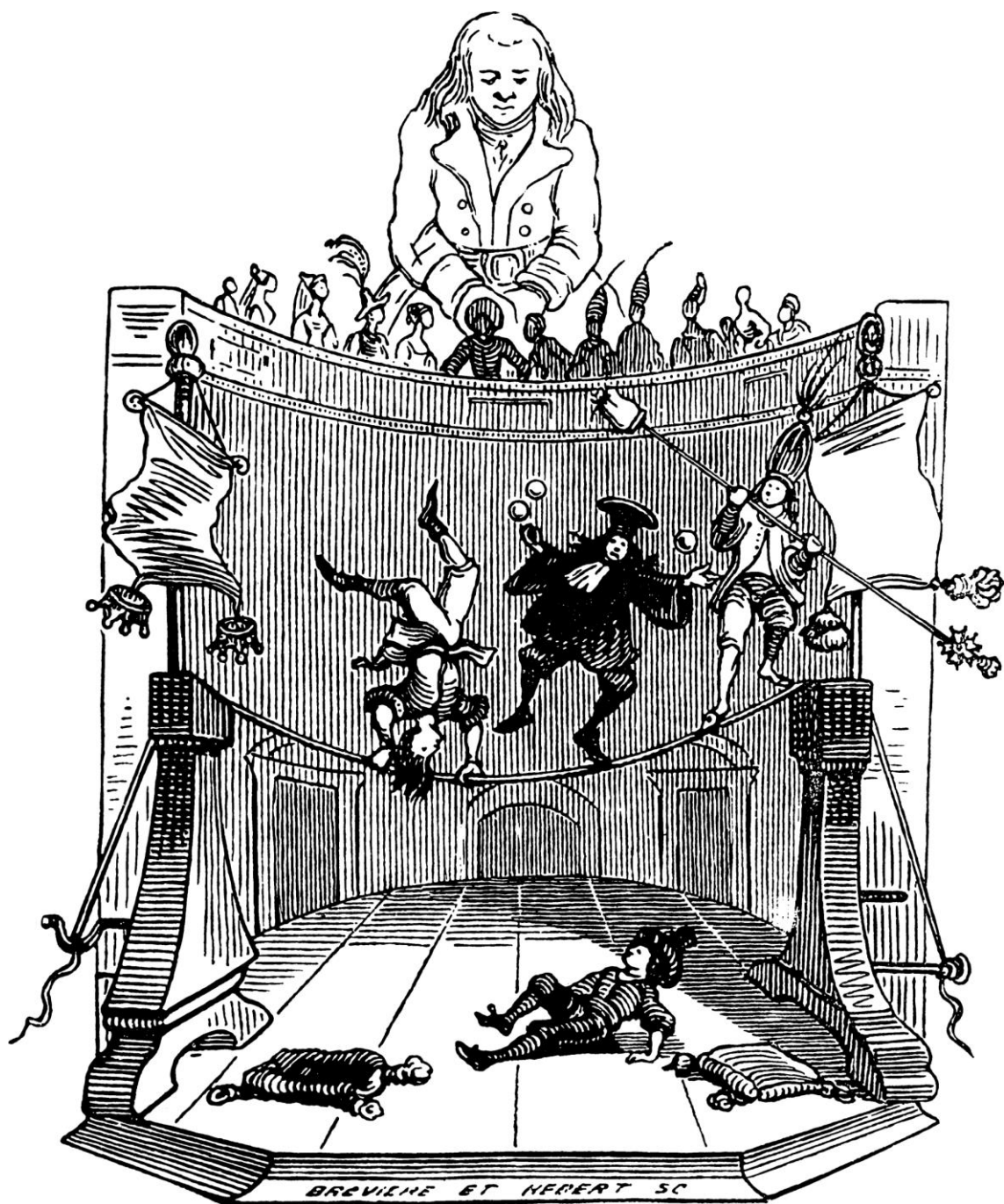
ГУЛЛИВЕР

у лилипутов

Джонатан
СВИФТ

ГУЛЛИВЕР
у лилипутів

Джонатан СВИФТ

ГУЛЛИВЕР

у лілипутів

Ілюстрації
Ж. ГРАНВИЛЛЯ

ЛЕНИЗДАТ
1988

С24 **Свифт Д.** Гулливер у лилипутов / Пересказ для детей
Т. Габбе и З. Задунайской. — Л.: Лениздат 1988. —
48 с, ил.
Книга рассказывает об удивительных приключениях Гулливера
в Лилипутии.

84.34(4Вл)

Пересказ для детей
Т. Габбе и З. Задунайской

Джонатан
СВИФТ
ГУЛЛИВЕР
у лилипутов

Заведующий редакцией
А. И. БЕЛИНСКИЙ

Редактор
Н. Ю. ПАМФИЛОВА

Художник
Д. М. ПЛАКСИН

Художественный редактор
А. К. ТИМОШЕВСКИЙ

Технический редактор
Г. В. ПРЕСНОВА

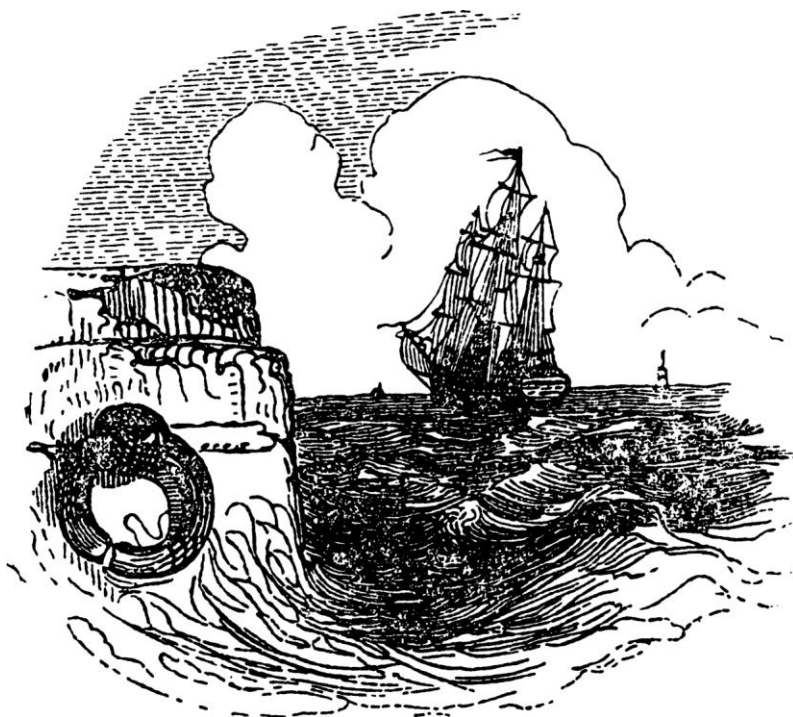
Корректор
Н. П. КУКУШКИНА

ИБ № 4898

Сдано в набор 25.11.87. Подписано к печати 14.12.87. Формат 84×108¹/₁₆.
Бумага книжн.-журн. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 5.04.
Усл. кр. -отт. 5.88. Уч. -изд. л. 3,19. Тираж 700 000 экз. Заказ № 357. Цена 40 коп

Лениздат, 191023. Ленинград. Фонтанка, 59. Типография им. Володарского
Лениздата, 191023, Ленинград. Фонтанка, 57

© Оформление, Лениздат, 1988

1

Трёхмачтовый бриг «Антилопа» отплывал в Южный океан.

На корме стоял корабельный доктор Гулливер и смотрел в подзорную трубу на пристань. Там остались его жена и двое детей — сын Джонни и дочь Бетти.

Не в первый раз отправлялся доктор Гулливер в море. Он любил путешествовать. Ещё в школе он тратил почти все деньги, которые присылал ему отец, на морские карты и на книги о чужих странах. Он усердно изучал географию и математику, потому что эти науки больше всего нужны моряку.

Отец отдал Гулливера в учение к знаменитому в то время лондонскому врачу. Гулливер учился у него несколько лет, но не переставал думать о море.

Врачебное дело пригодились ему: кончив учение, он поступил корабельным врачом на судно «Ласточка» и плавал на нём три с половиной года. А потом на большом корабле «Добрая надежда» совершил несколько путешествий в Восточную и Западную Индию.

В плавании Гулливер никогда не скучал. У себя в каюте он читал книги, взятые из дому, а на берегу смотрел, как живут чужие племена, запоминал их язык и обычаи.

На обратном пути он подробно записывал дорожные приключения.

И на этот раз, отправляясь в море, Гулливер захватил с собой толстую записную книжку.

На первой странице этой книжки было написано: «4 мая 1699 года мы снялись с якоря в Бристоле».

2

Много недель и месяцев плыла «Антилопа» по Южному океану. Дули попутные ветры. Путешествие было удачное.

Но вот однажды, при переходе в Восточную Индию, корабль настигла страшная буря. Ветер и волны погнали его неизвестно куда.

А в трюме уже кончился запас пищи и пресной воды.

Двенадцать матросов умерли от усталости и голода. Остальные едва передвигали ноги. Корабль бросало из стороны в сторону, как ореховую скорлупку.

В одну тёмную, бурную ночь ветер понёс «Антилопу» прямо на острую скалу. Матросы заметили это слишком поздно. Корабль ударился о крутые рёбра скалы и разбился в щепки.

Только Гулливеру и пяти матросам удалось спастись в шлюпке.

Они знали, что где-то близко земля, и надеялись добраться до неё.

Долго носились они по волнам, пока не выбились из сил. А волны становились всё больше и больше, и наконец самая высокая волна подбросила и опрокинула шлюпку.

Вода покрыла Гулливера с головой.

Когда он вынырнул, возле него никого не было. Все его спутники утонули.

Гулливер поплыл один куда глаза глядят, подгоняемый ветром и приливом. То и дело опускал он ногу и пробовал нащупать дно, но дна всё не было. А Гулливер уже не мог плыть дальше. Намокший кафтан и тяжелые разбухшие башмаки тянули его вниз. Од захлёбывался и задыхался.

И вдруг ноги его почувствовали твёрдую землю.

Это была отмель. Гулливер встал и пошёл.

Он шёл-шёл и всё никак не мог выбраться на берег. Дно в этом месте было очень отлогое.

Наконец вода и песок остались позади.

Гулливер увидел лужайку, покрытую очень мягкой и очень низкой травой. Он отполз подальше от воды и крепко заснул.

3

Когда Гулливер проснулся, было уже совсем светло. Солнце стояло у него над головой.

Он хотел было протереть глаза, но не мог поднять руку; хотел сесть, но не мог пошевелиться.

Он лежал на спине и чувствовал, что его руки и ноги крепко привязаны к земле.

Тонкие верёвочки опутывали всё его тело от подмышек до колен. Верёвочки обвивали каждый палец. Даже длинные густые волосы Гулливера были туго намотаны на маленькие колышки, вбитые в землю, и переплетены верёвочками.

Гулливер был похож на рыбу, которую поймали в сеть.

«Верно, я ещё сплю», — подумал он.

Вдруг что-то быстрое, как мышка, пробежало у него по ноге. Вот вскарабкалось на живот, мягко поползло по груди, подбирается к подбородку.

Гулливвер скосил один глаз.

Что за чудо?

У самого его подбородка стоит человек, настоящий человек с руками и ногами. На голове у него — блестящий шлем, в руках лук и стрела, за спиною — колчан.

А весь человек не больше огурца. Пятеро таких, как он, могли бы свободно усесться на ладони Гулливера.

Вслед за первым человеком на Гулливера взобралось ещё десятка четыре таких же маленьких стрелков.

От удивления Гулливер громко вскрикнул.

Человечки заметались и бросились врассыпную. На бегу они спотыкались и падали, потом вскакивали на ноги и один за другим прыгали на землю. Многие сильно ушиблись, а один даже вывихнул ногу.

Минуты две-три никто больше не подходил к Гулливеру. Только под ухом у него всё время раздавался шум, похожий на стрекотание кузнечиков.

По скоро человечки опять расхрабрились и снова стали карабкаться по его ногам, а самый смелый из них подкрался к лицу Гулливера, потрогал копьём его подбородок и тоненьким, но отчётливым голоском прокричал:

— Гекина дегуль!

— Гекина дегуль! Гекина дегуль! — подхватили тоненькие голоса со всех сторон.

Но что значили эти слова, Гулливер не понял, хотя и знал много иностранных языков.

Долго лежал Гулливер на спине.

Руки и ноги у него совсем затекли.

Он собрал силы и попытался оторвать от земли левую руку.

Наконец это ему удалось. Он выдернул колышки, вокруг которых были обмотаны сотни тонких верёвочек, и поднял руку. В ту же минуту кто-то внизу громко пропищал:

— Только фонак!

В руку, в лицо, в шею Гулливера разом вонзились сотни стрел.

Стрелы у человечков были тоненькие и острые, как иголки.

Гулливер закрыл глаза и решил лежать не двигаясь, пока не наступит ночь.

«В темноте будет легче освободиться», — думал он.

Но дожждаться ночи на лужайке ему не пришлось.

Недалеко от своего правого уха он слышал частый стук, будто кто-то рядом разбивает молоточками орехи.

Молоточки стучали целый час.

Гулливер слегка повернул голову — повернуть её больше не давали верёвочки и колышки — и возле самой своей головы увидел только что построенный деревянный помост из свежих досок. Несколько человечков заколачивали в доски последние гвозди.

Потом человечки убежали, и по ступенькам лестницы медленно поднялся на помост человек в длинном плаще.

За ним шёл другой, вдвое меньше его ростом, и нёс край его плаща. Наверно, это был мальчик-паж, он был не больше Гулливерова мизинца.

Последними взошли на помост два стрелка с натянутыми луками в руках.

— Лангро дегюль сан! — три раза прокричал человек в плаще и развернул свиток с конфетную бумажку.

Сейчас же к Гулливеру подбежали пятьдесят человечков и обрезами верёвки, привязанные к его волосам.

Гулливер повернул голову и стал слушать, что читает человек в плаще. Человек читал и говорил долго-долго.

Гулливер ничего не понял, но на всякий случай кивнул головой и приложил к сердцу свободную руку.

Он догадался, что перед ним королевский посол.

Прежде всего Гулливер решил попросить у поема, чтобы его накормили. С тех пор как он покинул корабль, у него не было во рту ни крошки хлеба. Он поднял палец и несколько раз поднёс его к губам.

Человек в плаще что-то ответил. Потом он сошёл с помоста и приказал приставить к бокам Гулливера несколько длинных лестниц.

Больше сотни сгорбленных носильщиков потащили ко рту Гулливера корзины с едой.

В корзинах были тысячи хлебов величиной с горошину, целые окорока — с грецкий орех, жареные цыплята — меньше нашей мухи.

Гулливер проглотил разом два окорока вместе с тремя хлебцами. Он съел пять тушёных быков, восемь вяленых баранов, девятнадцать копчёных поросят и сотни две цыплят и гусей.

Скоро корзины опустели. Тогда человечки подкатили к руке Гулливера две бочки с вином. Бочки были огромные — каждая со стакан.

Гулливер вышиб дно из одной бочки, вышиб из другой и в несколько глотков осушил обе бочки.

Человечки всплеснули руками от удивления.

Потом они знаками попросили его сбросить на землю пустые бочки. Гулливер подбросил обе разом. Бочки перекувырнулись в воздухе и с треском покатались в разные стороны.

Толпа на лужайке расступилась, громко крича:

— Бора мевола! Бора мевола!

После вина Гулливеру сразу захотелось спать. Сквозь сон он чувствовал, как человечки бегают по нему вдоль и поперёк, скачут с него, точно с горы, щекочут его палками и копьями, прыгают с пальца на палец.

Он хотел было поймать десяток-другой прыгунов, но глаза у него сами собой закрылись, и он крепко заснул.

Человечки этого только и ждали. Они нарочно подсыпали в бочки с вином сонный порошок, чтобы усыпить необыкновенного гостя.

4

Страна, в которую буря занесла Гулливера, называлась Лилипутия. Жили в этой стране лилипуты.

Самые высокие деревья в Лилипутии были не выше куста смородины, самые большие дома были ниже стола.

Такого великана, как Гулливер, в Лилипутии никто никогда не видел.

Император приказал привезти его в столицу. Для этого-то Гулливера и усыпили.

Пятьсот плотников и сто инженеров построили по приказу императора огромную телегу на двадцати двух колёсах.

Телега была готова в несколько часов, но взвалить на неё Гулливера было не так-то просто.

Вот что придумали для этого лилипутские инженеры.

Они поставили телегу рядом со спящим великаном, у самого его бока.

Потом вбили в землю восемьдесят столбиков с блоками наверху и надели на эти блоки толстые канаты с крючками на одном конце. Канаты были не толще обыкновенной бечёвки.

Лилипуты принялись за дело.

Они обхватили всё туловище, обе ноги и обе руки Гулливера крепкими повязками и, зацепив эти повязки крючками, принялись тянуть канаты через блоки.

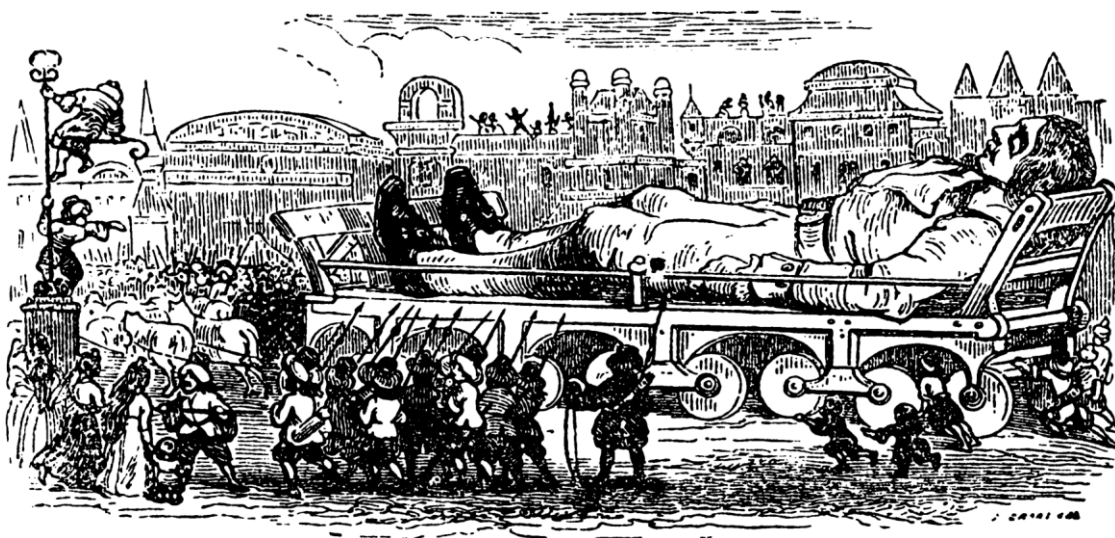
Девятьсот отборных силачей были собраны для этой работы со всех концов Лилипутии. Они тянули канаты обеими руками, упирались в землю ногами и обливались потом.

Через час им удалось поднять Гулливера с земли на полпальца, через два часа — на палец, через три — они взвалили его на телегу.

Полторы тысячи самых крупных лошадей из придворных конюшен были запряжены в телегу по десятку в ряд.

Кучера взмахнули бичами и погнали их в главный город Лилипутии — Мильдендо.

Гулливер всё ещё спал. Он бы, наверное, не проснулся до конца пути, если бы его случайно не разбудил один офицер из королевской гвардии.

Это случилось так. У телеги отскочило одно колесо. Пришлось остановиться и чинить телегу.

Несколько молодых офицеров решили воспользоваться этой остановкой и посмотреть, какое лицо у Гулливера, когда он спит.

Они подъехали к телеге на своих конях, и один из них засунул Гулливеру в левую ноздрю остриё своей пики.

Гулливер сморщил нос и громко чихнул.

«Ап-чхи!» — повторило эхо.

Офицеры пришпорили лошадей и во весь опор поскакали прочь от телеги.

А Гулливер проснулся, услышал, как щёлкают кнутами погонщики, и понял, что его куда-то везут.

Целый день взмыленные лошади тащили связанного Гулливера по дорогам Лилипутии.

Только поздно ночью телега остановилась, и лошадей отпрягли, чтобы накормить и напоить.

Всю ночь по обе стороны телеги стояла на страже тысяча гвардейцев: пятьсот — с факелами, пятьсот — с луками наготове. Стрелкам приказано было выпустить в Гулливера пятьсот стрел, если только он вздумает пошевелиться. Когда наступило утро, телега двинулась дальше.

5

Недалеко от городских ворот, на площади, стоял старинный заброшенный замок с двумя угловыми башнями. В замке давно никто не жил.

К этому пустому замку лилипуты привезли Гулливера.

Это было самое большое здание во всей Лилипутии. Башни его были почти в человеческий рост. В главную дверь даже такой большой человек, как Гулливер, мог свободно проползти на четвереньках, а в парадной зале ему бы, пожалуй, удалось вытянуться во весь рост.

Здесь собирався поселить Гулливера император Лилипутии.

Но Гулливер этого ещё не знал. Он лежал на своей телеге, а со всех сторон к нему бежали толпы лилипутов.

Конная стража отгоняла любопытных, но всё-таки добрых десять тысяч человечков успело прогуляться по ногам Гулливера, по его животу и коленям, пока он лежал связанный.

Вдруг что-то стукнуло его по ноге. Он посмотрел себе на ногу и увидел нескольких лилипутов с засученными рукавами и в чёрных передничках. Крошечные молоточки блестели у них в руках.

Это придворные кузнецы заковывали Гулливера в цепи.

От стены замка к его ноге они провели девяносто одну цепочку и замкнули их у него на щиколотке тридцатью шестью висячими замками. Цепочки были такие длинные, что Гулливер мог гулять по площадке перед замком и свободно вползать в свой дом.

Кузнецы кончили работу и отошли. Стража перерубила концы верёвок, и Гулливер встал на ноги.

— А-ах! — закричали лилипуты. — Куинбус Флестрин! Куинбус Флестрин!

По-лилипутски это значит: «Человек-Гора! Человек-Гора!»

Гулливер осторожно переступил с ноги на ногу, чтобы не раздавить кого-нибудь из местных жителей, и осмотрелся кругом.

Никогда ещё ему не приходилось видеть такую красивую страну. Лес, поля и сады были здесь похожи на пёстрые цветочные клумбы. Речки бежали ручейками, а город вдали казался игрушечным.

Гулливер так загляделся, что не заметил, как вокруг него собралось чуть ли не всё население столицы.

Лилипуты копошились у его ног, щупали пряжки башмаков и так сильно задирали головы, что шляпы сваливались на землю.

Мальчишки спорили, кто из них добросит камень до самого носа Гулливера.

Учёные толковали между собой, откуда взялся Куинбус Флестрин.

— В наших старых книгах написано, — сказал один учёный, — что тысячу лет тому назад море выбросило к нам на берег страшное чудовище. Я думаю, что и Куинбус Флестрин вынырнул со дна моря.

— Нет, — отвечал другой учёный, — у морского чудовища должны быть жабры и хвост. Куинбус Флестрин свалился с луны.

Лилипутские мудрецы не знали, что на свете есть другие страны, и думали, что везде живут одни лилипуты.

Учёные долго ходили вокруг Гулливера и качали головами, но так и не успели решить, откуда взялся Куинбус Флестрин.

Всадники на вороных конях с копьями наперевес разогнали толпу. Кони были величиной с новорождённого котёнка.

— Пеплам селян! Пеплам селян! — кричали всадники.

Гулливер увидел золотую коробочку на колёсах. Коробочку везла шестёрка белых лошадей. Рядом, тоже на белой лошади, скакал человек в золотом шлеме с пером.

Человечек в шлеме подскочил прямо к башмаку Гулливера и осадил своего коня. Конь захрапел и взвился на дыбы.

Сейчас же несколько офицеров подбежали с двух сторон к всаднику, схватили его лошадь под уздцы и осторожно отвели подальше от Гулливеровой ноги.

Всадник на белой лошади был императором Лилипутии. А в золотой карете сидела императрица.

Четыре пажа разостлали на лужайке бархатный лоскут, поставили на нём кресло величиной со спичечный коробок и запахнули дверцы кареты.

Императрица вышла и уселась в кресло, расправив платье.

Вокруг неё сели на золотые скамеечки её придворные дамы.

Они были так пышно одеты, что вся лужайка стала похожа на разостланную юбку, вышитую золотом, серебром и разноцветными шелками.

Император спрыгнул с коня и несколько раз обошёл пешком вокруг Гулливера. За ним шла его свита.

Чтобы лучше рассмотреть императора, Гулливер лёг на бок.

Его величество был по крайней мере на целый ноготь выше своих придворных. Он был ростом в два пальца и, наверное, считался в Лилипутии очень высоким человеком.

В руке император держал обнажённую шпагу, чуть-чуть подлиннее спички. На её золотой рукоятке и ножнах блестели бриллианты.

Его императорское величество закинул голову назад и о чём-то спросил Гулливера.

Гулливер не понял его вопроса, но на всякий случай рассказал императору, кто он такой и откуда прибыл.

Император только пожал плечами.

Тогда Гулливер рассказал то же самое по-немецки, по-голландски, по-латыни, по-гречески, по-французски, по-испански, по-итальянски и по-турецки.

Но император Лилипутии, как видно, не знал этих языков.

Он кивнул Гулливеру головой, вскочил на коня и помчался обратно в Мильдендо. Вслед за ним уехала императрица со своими дамами.

А Гулливер остался сидеть перед замком, как цепная собака перед будкой.

6

К вечеру вокруг Гулливера столпилось по крайней мере триста тысяч лилипутов все городские жители и все крестьяне из соседних деревень.

Каждому хотелось посмотреть, что такое Куинбус Флестрин — Человек-Гора.

Гулливера охраняла стража, вооружённая копьями, луками и мечами. Ей было приказано никого не пускать к Гулливеру и смотреть за тем, чтобы он не сорвался с цепи и не убежал.

Две тысячи солдат выстроились перед замком, и всё-таки кучка горожан прорвалась сквозь строй.

Одни осматривали каблуки Гулливера, а другие швыряли в него камешки или целились из луков в его жилетные пуговицы.

Меткая стрела поцарапала Гулливеру шею, вторая стрела чуть не попала в левый глаз.

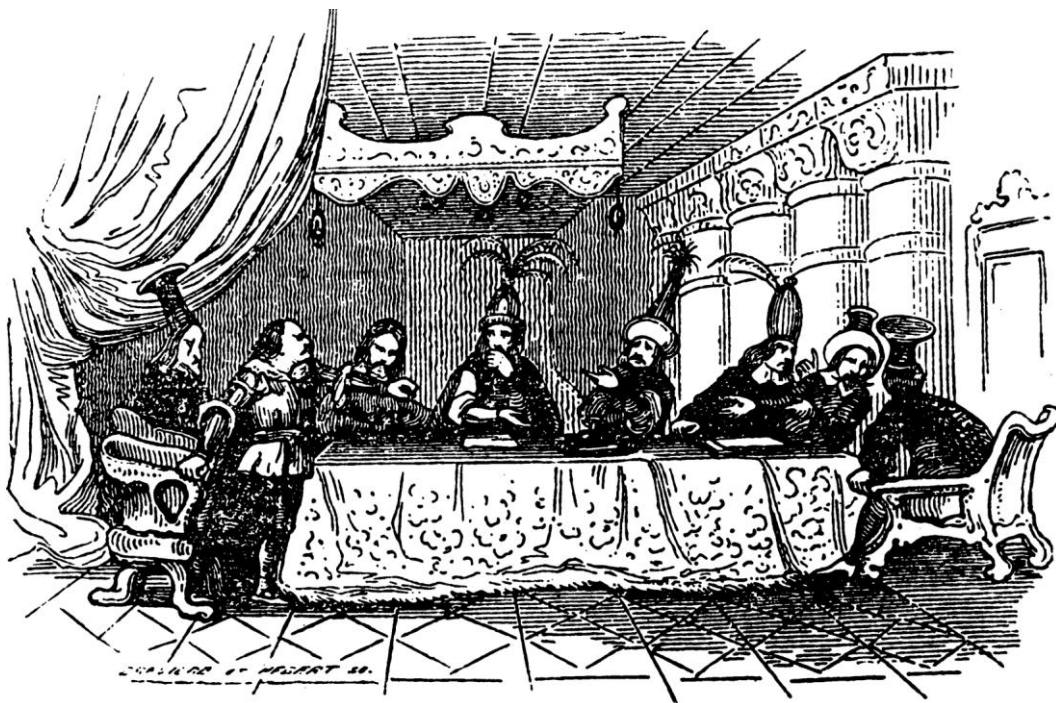
Начальник стражи приказал поймать озорников, связать их и выдать Куинбусу Флестрину.

Это было страшнее всякого другого наказания.

Солдаты связали шестерых лилипутов и, подталкивая тупыми концами пик, пригнали к ногам Гулливера.

Гулливер нагнулся, сгрёб всех одной рукой и сунул в карман своего камзола.

Только одного человечка он оставил у себя в руке, осторожно взял двумя пальцами за бока и стал рассматривать.

Человечек ухватился за палец Гулливера обеими руками и пронзительно закричал.

Гулливеру стало жаль человечка. Он ласково улыбнулся ему и достал из жилетного кармана перочинный ножик, чтобы разрезать верёвки, которыми были связаны ноги лилипута.

Лилипут увидел блестящие зубы Гулливера, увидел огромный нож и закричал ещё громче. Толпа внизу совсем притихла от ужаса.

А Гулливер тихонько перерезал одну верёвку, перерезал другую и поставил человечка на землю.

Потом он по очереди отпустил и тех лилипутов, которые метались у него в кармане.

— Глюм глефф Куинбус Флестрин! — закричала вся толпа.

По-лилипутски это значит: «Да здравствует Человек-Гора!»

А начальник стражи послал во дворец двух своих офицеров, чтобы доложить обо всём, что случилось, самому императору.

7

Между тем во дворце Бельфаборак, в самой дальней зале, император собрал тайный совет, чтобы решить, что делать с Гулливером.

Министры и советники спорили между собой девять часов. Одни говорили, что Гулливера надо поскорее убить. Если Человек-Гора порвёт свою цепь и убежит, он может растоптать всю Лилипутию. А если он не убежит, то империи грозит страшный голод, потому что каждый день он съедает больше хлеба и мяса, чем нужно для прокормления 1728 лилипутов. Это высчитал один учёный, которого пригласили на тайный совет потому, что он очень хорошо умел считать.

Другие доказывали, что убить Куинбуса Флестрина так же опасно, как и оставить в живых. От разложения такого громадного трупа может начаться чума не только в столице, но и во всей империи.

Государственный секретарь Рельдрессель попросил у императора слова и сказал, что Гулливера не следует убивать по крайней мере до тех пор, пока не будет построена новая крепостная стена вокруг Мильдендо. Гулливер съедает хлеба и мяса больше, чем 1728 лилипутов, но зато он, верно, и работать будет за 2000 лилипутов. Кроме того, в случае войны Человек-Гора может защитить страну лучше, чем пять крепостей.

Император сидел на своём троне под балдахином и слушал, что говорят министры.

Когда Рельдрессель кончил, он кивнул головой. Все поняли, что слова государственного секретаря ему понравились.

Но в это время встал со своего места адмирал Скайреш Болголам, командир всего флота Лилипутии.

Человек-Гора, сказал он, конечно, самый сильный из всех людей на свете — это правда. Но именно поэтому и следует его казнить как можно скорее. Ведь если во время войны он вздумает присоединиться к врагам Лилипутии, то десять полков императорской гвардии не смогут с ним справиться. Сейчас он ещё в руках лилипутов, и надо действовать, пока не поздно.

Казначей Флимнап, генерал Лимток и судья Бельмаф согласились с мнением адмирала.

Император улыбнулся и кивнул адмиралу головой, и даже не один раз, как Рельдресселю, а два раза. Видно было, что эта речь понравилась ему ещё больше.

Судьба Гулливера была решена.

Но в это время дверь открылась, и в зал тайного совета вбежали два офицера, которых прислал к императору начальник стражи. Они стали перед императором на колени и доложили о том, что случилось на площади.

Когда офицеры рассказали, как милостиво обошёлся Гулливер со своими пленниками, государственный секретарь Рельд-рессель опять попросил слова.

Он произнёс ещё одну длинную речь, в которой доказывал, что бояться Гулливера не следует и что живой он будет гораздо полезнее императору, чем мёртвый.

Император решил помиловать Гулливера, но приказал отнять у него огромный нож, о котором только что рассказали офицеры стражи, а заодно и всякое другое оружие, если оно будет найдено при обыске.

8

Обыскать Гулливера было поручено двум чиновникам. Знаками они объяснили Гулливеру, чего требует от него император.

Гулливер не стал с ними спорить. Он взял обоих чиновников в руки и положил сначала в один карман камзола, потом в другой, а потом перенёс их в карманы штанов и жилета.

Только в один потайной карман Гулливер чиновников не пустил. Там были у него спрятаны очки, подзорная труба и компас.

Чиновники принесли с собой фонарь, бумагу, перья и чернила. Целых три часа возились они в карманах Гулливера, рассматривали вещи и составляли опись.

Окончив свою работу, они попросили Гулливера вынуть их из последнего кармана и спустить на землю.

После этого они поклонились и понесли составленную ими опись во дворец.

Вот она — слово в слово:

«1. В правом кармане камзола великого Человека-Горы мы нашли большой кусок грубого холста, который по своей величине мог бы служить ковром для парадной залы дворца Бельфабо-рак.

2. В левом кармане мы нашли огромный серебряный сундук с крышкой. В сундуке оказались крупные жёлтые стружки. Едкий запах этих стружек заставил нас обоих долго чихать.

3. В правом кармане жилета оказалось несколько сотен гладких белых досок, одинаковых по величине и сшитых между собой канатами. На первой доске мы заметили два ряда чёрных знаков. Мы думаем, что это буквы неизвестной нам азбуки. Каждая буква величиной с нашу ладонь.

4. В левом кармане жилета мы видели вещь, похожую на решётку дворцового сада. Острыми прутьями этой решётки Человек-Гора расчёсывает волосы. (Двух прутьев не хватает — пятого и десятого.)

5. В правом кармане штанов найдена неизвестная нам машина из железа и дерева.

6. В левом кармане штанов находится огромный нож, в два раза больше самого высокого лилипута.

7. Кроме того, мы обнаружили у Человека-Горы большой круглый ящик. С одной стороны ящик серебряный, а с другой ледяной. В карманах у Человека-Горы очень жарко, но этот лёд не тает. Сквозь лёд можно разглядеть двенадцать больших чёрных знаков и два копьё. Внутри ящика сидит какое-то большое Животное, которое всё время, не переставая, стучит не то зубами, не то хвостом.

Такова точная опись вещей, найденных при обыске у Человека-Горы. Во время обыска он вёл себя вежливо и почтительно». Под описью чиновники подписались:

Клефрин Фрелок.

Марси Фрелок.

9

На другое утро перед домом Гулливера выстроились войска, собрались придворные, приехал сам император со свитой и министрами.

В этот день Гулливер должен был отдать императору Лилипутии своё оружие.

Один чиновник громко читал опись, а другой бегал по Гулливеру из кармана в карман и показывал ему, какие вещи нужно доставать.

— Кусок грубого холста! — прокричал чиновник, читавший опись.

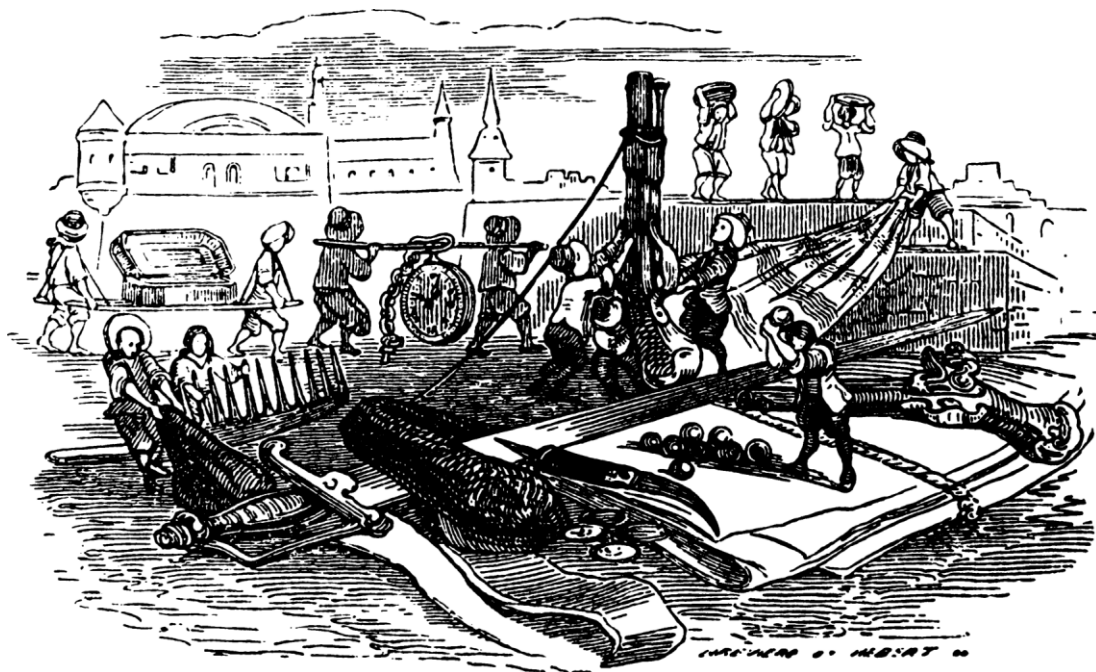
Гулливер положил на землю свой носовой платок.

— Серебряный сундук!

Гулливер вынул из кармана табакерку.

— Триста белых гладких досок, прошитых канатами!

Гулливер положил рядом с табакеркой свою записную книжку.

— Длинный предмет, похожий на садовую решётку!

Гулливвер достал гребешок.

— Машина из железа и дерева, огромный нож, ящик из серебра и льда!

Гулливвер вытащил пистолет, перочинный ножик и часы.

Император прежде всего осмотрел нож и приказал Гулливеру показать, как стреляют из пистолета.

Пистолет был заряжен, Гулливер поднял его и выстрелил в воздух.

Раздался не слыханный в Лилипутии грохот. Три тысячи солдат упали в обморок, два министра чуть не умерли от страха, а император побледнел, закрыл лицо руками и долго не решался открыть глаза.

Когда дым рассеялся и всё успокоилось, император приказал увезти в арсенал нож и пистолет.

Остальные вещи Гулливеру отдали обратно.

10

Целых полгода прожил Гулливер в плену.

Шестеро самых знаменитых учёных каждый день приходили в замок учить его лилипутскому языку.

Через три недели он стал хорошо понимать, что говорят вокруг, а месяца через два и сам научился разговаривать с жителями Лилипутии.

На первых же уроках Гулливер затвердил одну фразу, которая нужна была ему больше всего: «Ваше величество, я умоляю вас отпустить меня на свободу».

Каждый день на коленях повторял он эти слова императору, но император отвечал всегда одно и то же:

— Люмоз кельмин пессо десмар лон эмпозо!

Это значит: «Я не могу освободить тебя, пока ты не присягнешь в верности моей империи и мне».

Гулливвер готов был присягнуть в ту же самую минуту, но император откладывал церемонию присяги со дня на день.

Мало-помалу лилипуты привыкли к Гулливеру и перестали его бояться.

Часто по вечерам он ложился на землю перед своим замком и позволял пятерым или шестерым человечкам плясать у себя на ладони. Дети из Мильдендо приходили играть в прятки в его

волосах. И даже лилипутские лошади больше не храпели и не становились на дыбы, когда видели Гулливера.

Император нарочно приказал как можно чаще устраивать конные учения перед старым замком, чтобы приучить коней своей гвардии к живой горе.

По утрам всех лошадей из полковых и собственных императорских конюшен проводили мимо ног Гулливера.

Кавалеристы заставляли своих коней перескакивать через его руку, опущенную на землю, а один удалой наездник перескочил даже как-то раз через его ногу, закованную в цепь.

Гулливер всё ещё сидел на цепи. От скуки он решил приняться за работу и сам смастерил для себя стол, стулья и кровать.

Для этого ему привезли около тысячи самых больших деревьев из императорских лесов.

А постель для Гулливера изготовили лучшие местные мастера. Они принесли в замок шестьсот матрасов обыкновенной лилипутской величины. По сто пятьдесят штук сшили они вместе и сделали четыре больших матраца в рост Гулливера. Их положили один на другой, но всё-таки Гулливеру было жестко спать.

Таким же способом сделали для него одеяло и простыни.

Одеяло вышло тонкое и не очень тёплое. Но Гулливер был моряком и не боялся простуды.

Обед для Гулливера стряпали пятьсот поваров, которых поселили рядом с замком в палатках.

Сюда каждый день на рассвете пригоняли целое стадо скота — шесть быков и сорок баранов. На телегах подвозили хлеб и вино.

Триста портных сшили для Гулливера костюм местного покроя.

Для того чтобы снять мерку, портные велели Гулливеру опуститься на колени и приставили к его спине длинную лестницу.

По этой лестнице старший портной добрался до его шеи и спустил оттуда, от затылка до пола, верёвку с грузом на конце. Такой длины нужно было сшить камзол. Рукава и талию Гулливер смерил сам.

Костюм удался на славу, но был похож на лоскутное одеяло. Это случилось потому, что его сшили из нескольких тысяч кусков материи.

Гулливер был одет во всё новое. Не хватало только шляпы. Но тут его выручил счастливый случай.

Однажды к императорскому двору прибыл гонец с известием, что недалеко от того места, где был найден Человек-Гора, пастухи заметили какое-то огромное чёрное тело с круглым горбом посредине и с широкими плоскими краями.

Сначала местные жители подумали, что это какое-то морское животное. Но так как горбун лежал совершенно неподвижно, ничего не ел и не дышал, то они догадались, что это какая-то вещь, принадлежащая Человеку-Горе. Если его императорское величество прикажет, эту вещь можно доставить в Мильдендо всего на пяти лошадях.

Император согласился, и через несколько дней пастухи привезли Гулливеру его старую чёрную шляпу, потерянную на отмели.

В дороге она порядком попортилась, потому что возчики пробили в ее полях две дыры и волокли её всю дорогу на длинных верёвках.

Но всё-таки это была шляпа, и Гулливер надел её на голову.

11

Желая угодить императору и поскорей получить свободу, Гулливер выдумал необыкновенную забаву.

Он попросил привезти ему из лесу несколько деревьев потолще и побольше.

На другой день семь возчиков доставили ему брёвна на семи телегах. Каждую телегу тянуло восемь лошадей. Брёвна были толщиной в обыкновенную тросточку.

Гулливер выбрал девять одинаковых тросточек и вбил их в землю, расположив правильным четырёхугольником.

На эти тросточки он туго-натуго, как на барабан, натянул свой носовой платок.

Получилась ровная, гладкая площадка.

Вокруг неё Гулливер поставил перильца и предложил императору устроить на этой площадке военное состязание.

Императору очень понравилась эта затея.

Он приказал, чтобы двадцать четыре лучших кавалериста в полном вооружении отправились к старому замку, и сам поехал смотреть на их состязания.

Гулливвер по очереди поднял всех кавалеристов вместе с лошадьми и поставил их на площадку.

Трубы затрубили. Всадники разделились на два отряда и начали военные действия. Они осыпали друг друга тупыми стрелами, кололи своих противников тупыми копьями, отступали и нападали.

Император остался так доволен военной потехой, что стал устраивать её каждый день.

Один раз он даже сам командовал атакой на носовом платке Гулливера.

Гулливвер держал в это время на ладони кресло, в котором сидела императрица. Отсюда ей было лучше видно, что делается на платке.

Всё шло хорошо. Только раз, во время пятнадцатых манёвров, горячая лошадь одного офицера пробила копытом платок, споткнулась и опрокинула своего седока.

Гулливвер прикрыл левой рукой дыру в платке, а правой осторожно спустил на землю всех кавалеристов — одного за другим.

После этого он аккуратно заштопал платок, но, не надеясь на его прочность, не решался больше устраивать на нём военные игры.

12

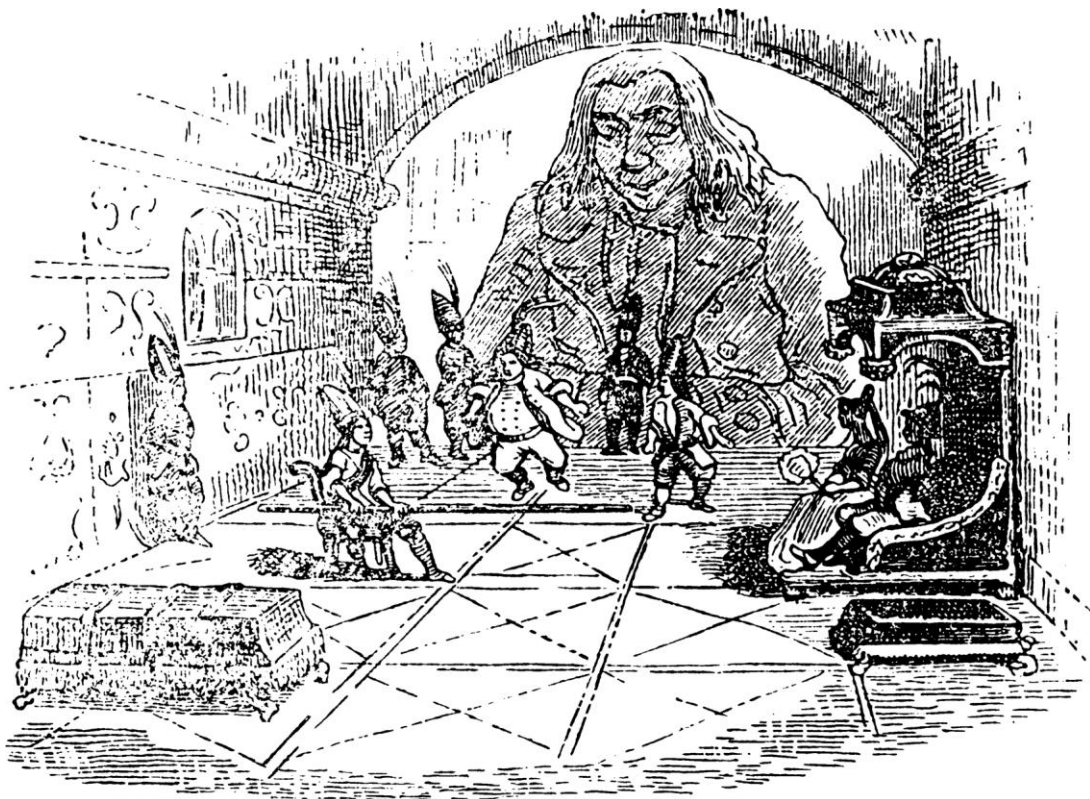
Император не остался в долгу у Гулливера. Он в свою очередь решил позабавить Куинбуса Флестрина интересным зрелищем.

Однажды под вечер Гуливвер, по обыкновению, сидел на пороге своего замка.

Вдруг ворота Мильдендо отворились, и оттуда выехал целый поезд: впереди на коне император, за ним — министры, придворные и гвардейцы.

Все они направились по той дороге, которая вела к замку.

В Лилипутии существует такой обычай. Когда какой-нибудь министр умирает или получает отставку, пять или шесть лилипутов обращаются к императору с просьбой о том, чтобы он разрешил им повеселить его пляской на канате.

Во дворце, в главной зале, натягивают как можно туже и выше канат не толще обыкновенной нитки для шитья.

После этого начинаются пляски, прыжки и курбеты.

Тот, кто подпрыгнет на канате выше всех и ни разу не упадёт, занимает освободившееся министерское место.

Иногда император заставляет всех своих министров и придворных плясать на канате вместе с новичками, чтобы проверить ловкость людей, которые правят страной.

Говорят, что во время этих развлечений часто бывают несчастные случаи. Министры и новички падают с каната кувырком и ломают себе шеи.

На этот раз император решил устроить канатные пляски не во дворце, а под открытым небом, перед замком Гулливера. Ему хотелось удивить Человека-Гору искусством своих министров.

Самым лучшим прыгуном оказался государственный казначей Флимнап. Он подпрыгнул выше всех остальных придворных по крайней мере на полголовы.

Даже государственный секретарь Рельдрессель, знаменитый в Лилипутии своим умением кувыркаться и прыгать, не мог его перещеголять.

Потом императору подали длинную палку.

Он взял её за один конец и стал быстро подымать и опускать.

Министры приготовились к состязанию, которое было потруднее пляски на канате. Надо было успеть перепрыгнуть через палку, как только она опустится, и пролезть под ней на четвереньках, как только она поднимется.

Лучшие прыгуны и пролазы получили от императора в награду синюю, красную и зелёную нитки для ношения вокруг пояса.

Первый пролаза — Флимнап — получил синюю нитку, второй — Рельдрессель — красную, а третий — Скайреш Болголам — зелёную.

Гулливер смотрел на всё это и удивлялся странным придворным обычаям Лилипутской империи.

13

Придворные игры и праздники устраивались чуть ли не каждый день, а всё-таки Гулливеру было очень скучно сидеть на цепи. Он то и дело подавал прошения императору о том, чтобы его освободили и позволили ему свободно разгуливать по стране.

Наконец император уступил его просьбам.

В тайном совете прочитали все прошения Гулливера и решили отпустить его на свободу, если он даст клятву соблюдать все правила, которые будут ему объявлены.

Только адмирал Скайреш Болголам, злейший враг Гулливера, по-прежнему настаивал на том, что Куинбуса Флестрина надо не освободить, а казнить.

Но так как Лилипутия готовилась в это время к войне, никто не согласился с Болголамом. Все надеялись, что Человек-Гора защитит Мильдендо, если на город нападут враги.

Император приказал своим писцам написать крупными буквами па большом свитке такой приказ:

«Я, Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой, император великой Лилипутии,

самый высокий, самый мудрый и самый сильный из всех царей мира,

высочайше повелеваю освободить Человека-Гору от цепей, если он поклянётся исполнять всё, что мы от него потребуем, а именно:

во-первых, Человек-Гора не должен уезжать из Лилипутии без нашего позволения;

во-вторых, он не смеет входить в столицу ни днём ни ночью до тех пор, пока все жители не спрячутся в своих домах;

в-третьих, ему разрешается гулять только по большим дорогам и запрещается топтать леса, луга и поля;

в-четвёртых, во время прогулки он должен смотреть себе под ноги, чтобы не раздавить людей и лошадей;

в-пятых, ему запрещается брать в руки и сажать к себе в карманы жителей Лилипутии без их согласия и разрешения;

в-шестых, ему поручается переносить гонцов императора с места на место, если его величеству понадобится послать куда-нибудь спешную весть или приказ;

в-седьмых, он должен быть нашим союзником, если у нас начнётся война с островом Блефуску, и прежде всего обязан уничтожить неприятельский флот, который угрожает нашим берегам;

в-восьмых, Человек-Гора должен в свободное время работать на наших постройках, подымая самые тяжёлые камни;

в-девятых, мы поручаем ему измерить шагами всю нашу империю вдоль и поперёк и сосчитать число шагов.

Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой.

Дворец Бельфаборак.

91-я луна нашего царствования».

Этот приказ привёз в замок сам адмирал Скайреш Болголам.

Он велел Гулливеру сесть на землю и взяться левой рукой за правую ногу, а два пальца правой руки приставить ко лбу и к верхушке правого уха. Так в Лилипутии клянутся в верности.

Адмирал прочёл вслух императорский приказ, а потом заставил Гулливера повторить слово в слово такую клятву:

— Я, Человек-Гора, клянусь его величеству императору Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой, могущественному повелителю Лилипутии, исполнять его приказ и защищать великую Лилипутию от врагов на суше и на море!

После этого кузнецы сняли с Гулливера цепи, а Скайреш Болголам поздравил его и уехал в Мильдендо.

14

Как только Гулливер получил свободу, он попросил у императора позволения осмотреть город и побывать во дворце. Много месяцев смотрел он на столицу издали, сидя на цепи у своего порога, хоть она и была всего в пятидесяти шагах от старого замка.

Разрешение было дано.

Тогда Гулливер снял с себя камзол, чтобы не смести полами городские крыши и трубы, и в одном жилете отправился в Мильдендо.

За два часа до его прихода двенадцать глашатаев обошли весь город. Шестеро трубили в трубы, а шестеро кричали:

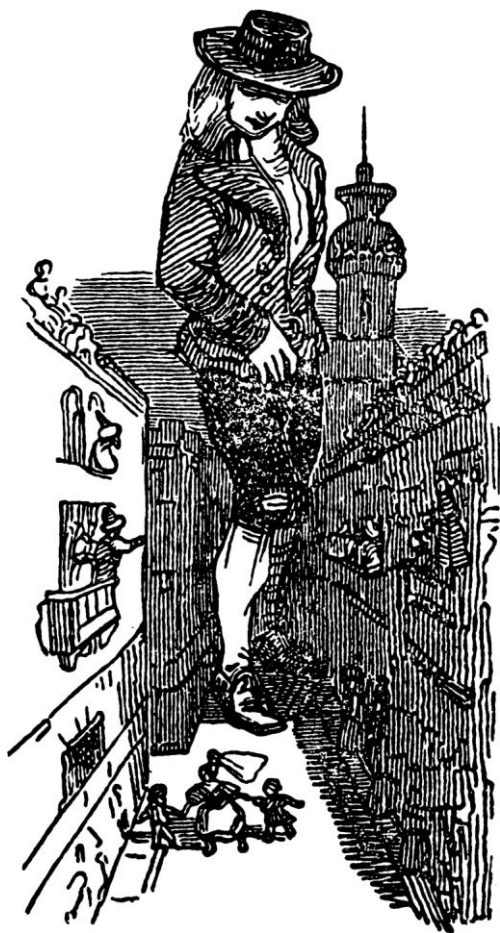
— Жители Мильдендо! По домам!

— Куинбус Флестрин, Человек-Гора, идёт в город! По домам, жители Мильдендо!

На всех углах расклеили воззвания, в которых было написано то же самое, что кричали глашатаи.

Кто не слышал, тот прочёл. Кто не прочёл, тот услышал.

Всю столицу Мильдендо окружали старинные стены. Стены были такие толстые и широкие, что по ним свободно могла проехать лилипутская карета, запряжённая парой лошадей.

По углам возвышались остроконечные башни.

Гулливвер перешагнул через большие Западные ворота и очень осторожно, боком, прошёлся по главным улицам.

В переулки и маленькие улочки он и не пытался заходить. Они были такие узкие, что нога Гулливера застряла бы между домами.

Все дома в Мильдендо были построены в три этажа.

Иногда Гулливвер наклонялся и заглядывал в окна верхних этажей.

В одном окне он увидел повара в белом колпачке. Повар ловко ощипывал не то жучка, не то муху. Приглядевшись, Гулливвер понял, что это была индейка.

В другом окне сидела портниха и держала на коленях работу. По её движению Гулливвер догадался, что она вдевает нитку в игольное ушко.

Но иголку и нитку разглядеть нельзя было, такие они были маленькие и тоненькие.

В школе дети сидели на скамейках и писали. Они писали не так, как мы, слева направо, не так, как арабы, справа налево, не так, как китайцы, сверху вниз, а по-лилипутски — вкось, от одного угла к другому.

Шагнув ещё раза три, Гулливвер очутился около императорского дворца.

Дворец, окружённый двойной стеной, находился в самой середине Мильдендо.

Через первую стену Гулливвер перешагнул, а через вторую не мог. Эта стена была украшена высокими резными башенками.

Гулливвер побоялся их разрушить.

Он остановился между двумя стенами и стал думать, как ему быть. Во дворце его ждёт сам император, а он не может туда пробраться.

Что же делать?

Гулливвер вернулся к себе в замок, захватил две табуретки и опять пошёл ко дворцу.

Подойдя к наружной стене дворца, он поставил одну табуретку среди улицы и стал на неё обеими ногами.

Вторую табуретку он поднял над крышами и осторожно опустил за внутреннюю стену, прямо в дворцовый парк.

После этого он легко перешагнул через обе стены — с табуретки на табуретку, не сломав ни одной башенки.

Переставляя табуретки всё дальше и дальше, Гулливвер добрался по ним до собственных покоев его величества.

Император держал в это время со своими министрами военный совет. Увидев Гулливера, он приказал открыть окна пошире.

Войти в зал совета Гулливвер, конечно, не мог. Он улёгся во дворе и приставил ухо к окошку.

Министры в это время рассуждали, когда выгодней начать войну с враждебной империей Блефуску.

Адмирал Скайреш Болголам поднялся со своего кресла и доложил, что неприятельский флот стоит на рейде и, очевидно, ждёт только попутного ветра, чтобы напасть на Лилипутию.

Тут Гулливер не утерпел и перебил Болголама. Он спросил у императора и министров, из-за чего собираются воевать.

С разрешения императора государственный секретарь Рельд-рессель ответил на вопрос Гулливера.

Дело обстояло так.

Сто лет тому назад дед нынешнего императора, в те времена ещё наследный принц, за завтраком разбил яйцо с тупого конца и скорлупой порезал себе палец.

Тогда император, отец раненого принца и прадедушка нынешнего императора, издал указ, в котором запретил жителям Лилипутии, под страхом смертной казни, разбивать варёные яйца с тупого конца.

С того времени всё население Лилипутии разделилось на два лагеря — тупоконечников и остроконечников.

Тупоконечники не захотели подчиниться указу императора и бежали за море, в соседнюю империю Блефуску.

Лилипутский император потребовал, чтобы блефускуанский император казнил беглых тупоконечников.

Однако император Блефуску не только не казнил их, но даже взял к себе на службу.

С тех пор между Лилипутией и Блефуску идёт непрерывная война.

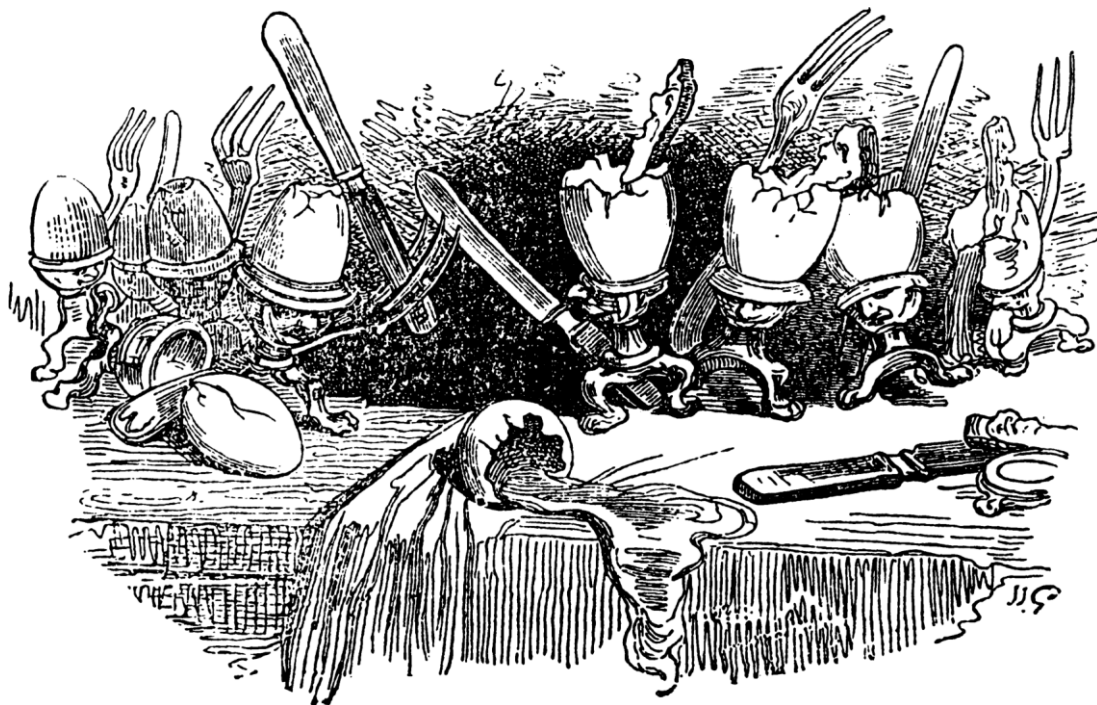
— И вот наш могущественный император Гольбасто Мома-рен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой просит у вас, Человек-Гора, помощи и союза, — так закончил свою речь секретарь Рельдрессель.

Гулливеру было непонятно, как это можно воевать из-за выеденного яйца, но он только что дал клятву и готов был её исполнить.

15

Блефуску — это остров, отделённый от Лилипутии довольно широким проливом.

Гулливер ещё не видел острова Блефуску. После военного совета он отправился на берег, спрятался за бугорком и, вынув

из потайного кармана подзорную трубу, стал рассматривать неприятельский флот.

Оказалось, что у блефускуанцев ровно пятьдесят военных кораблей, остальные суда — торговые.

Гулливвер отполз от бугорка подальше, чтобы из Блефуску его не заметили, встал на ноги и отправился во дворец к императору.

Там он попросил, чтобы ему вернули из арсенала нож и доставили побольше самых прочных веревок и самых толстых железных палок.

Через час возчики привезли канат толщиной в нашу бечёвку, и железные палки, похожие на вязальные спицы.

Гулливвер всю ночь просидел перед своим замком — плёл из веревок канаты и гнул из железных палок крючки. К утру были готовы пятьдесят веревок с пятьюдесятью крючками на концах.

Перекинув верёвки через плечо, Гулливвер пошёл на берег. Он снял камзол, башмаки, чулки и шагнул в воду.

Сначала он шёл вброд, потом на середине пролива поплыл, потом опять пошёл вброд.

Меньше чем через полчаса Гулливвер добрался до блефускуанского флота.

— Плавучий остров! Плавучий остров! — закричали матросы, увидев в воде огромные плечи и голову Гулливвера.

Он протянул к ним руки, и матросы, не помня себя от страха, стали бросаться с бортов в море. Как лягушки, шлёпались они в воду иплыли к своему берегу.

Гулливвер снял с плеча верёвки, зацепил все носы боевых кораблей крючками, а другие концы веревок связал в один узел.

Тут только блефускуанцы поняли, что Гулливвер собирается увести их флот.

Тридцать тысяч солдат разом натянули тетивы своих луков и пустили в Гулливвера тридцать тысяч стрел.

Больше двухсот стрел угодило ему в лицо.

Плохо пришлось бы Гулливверу, если бы у него в потайном кармане не оказалось очков. Он быстро надел их и спас от стрел глаза.

Стрелы стукались о стекла очков и вонзались ему в щёки, в лоб и в подбородок. Но Гулливверу было не до того. Он изо всех сил дёргал верёвки, упирался в дно ногами, а блефускуанские корабли всё не трогались с места.

Наконец Гулливер понял, в чём дело. Он достал из кармана нож и по очереди перерезал якорные канаты, державшие на причале корабли.

Когда последний канат был перерезан, корабли закачались на воде и все как один двинулись за Гулливером к берегам Лилипутии.

Всё дальше уходил Гулливер, и вслед за ним уплывали блефускуанские корабли и блефускуанская слава.

16

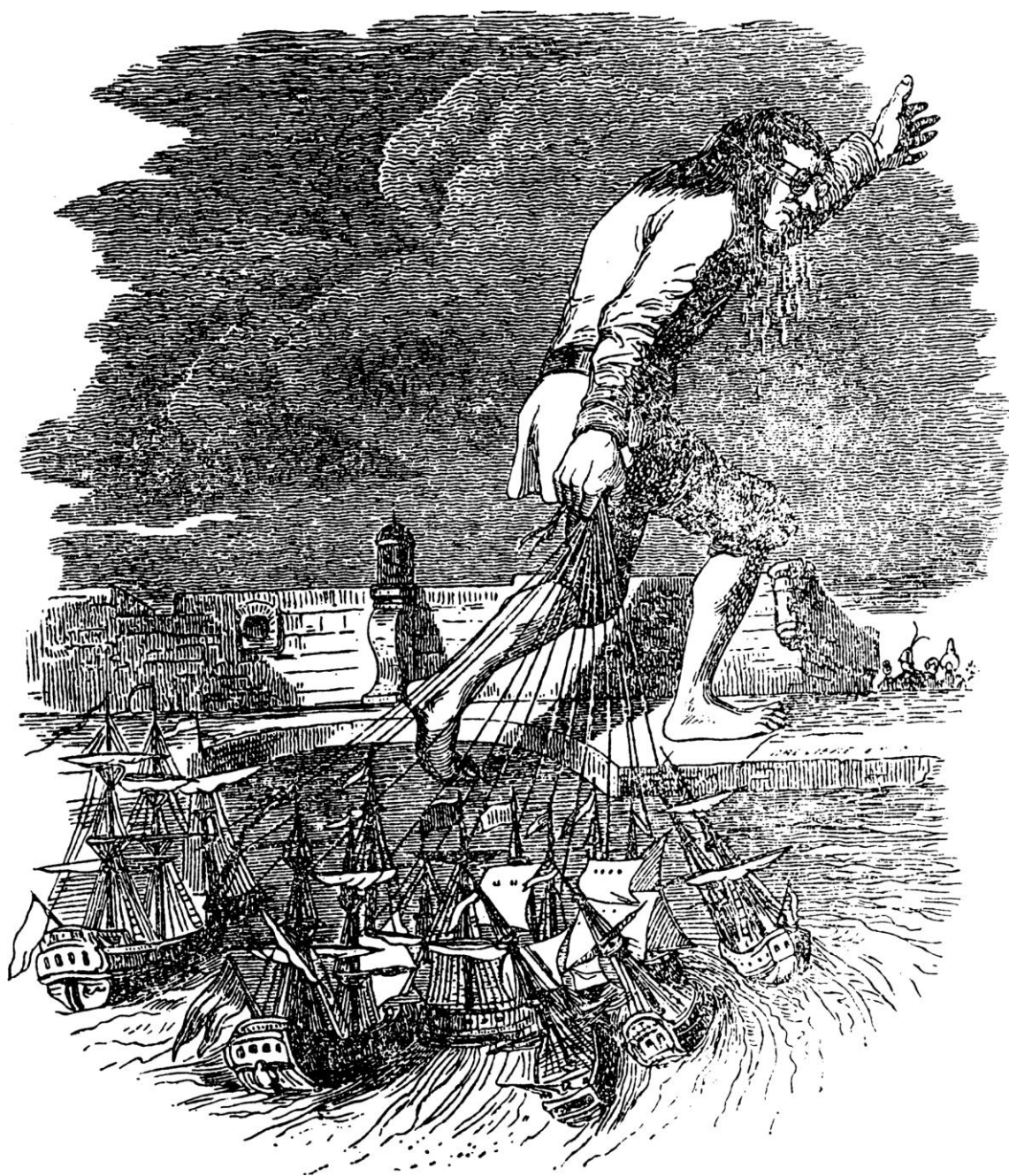
Император Лилипутии и весь его двор стояли на берегу и смотрели в ту сторону, куда уплыл Гулливер.

Вдруг они увидели вдалеке корабли, которые двигались к Лилипутии широким полумесяцем. Самого Гулливера они не могли разглядеть, потому что он до ушей погрузился в воду.

Лилипуты не ожидали прихода неприятельского флота.

Они были уверены, что Человек-Гора уничтожит его. А между тем флот в полном боевом порядке направлялся к стенам Мильдендо.

Император приказал трубить сбор всех войск.

Гулливвер издалека услышал звуки трубы. Тогда он поднял повыше концы верёвок, которые держал в руке, и громко закричал:

— Да здравствует могущественнейший император Лилипутии!

— Да здравствует Куинбус Флестрин! — ответили ему с берега.

Как только Гулливвер вышел на сушу, император приказал наградить его всеми тремя нитями — синей, красной и зелёной — и пожаловал ему титул нардака — самый высокий во всей империи.

Это была неслыханная награда. Придворные бросились поздравлять Гулливера.

Только адмирал Скайреш Болголам, у которого была всего одна зелёная нитка, отошёл в сторону и не сказал Гулливеру ни слова.

Гулливвер поклонился императору и надел все цветные нитки на средний палец. Подпоясаться ими, как лилипутские министры, он не мог.

В этот день во дворце был устроен в честь Гулливера пышный праздник. Все танцевали в залах, а Гулливвер лежал во дворе и смотрел в окно.

17

После праздника император вышел к Гулливеру и объявил ему новую высочайшую милость. Он поручает Человеку-Горе, нардаку Лилипутской империи, отправиться тем же путём в Блефуску и увести оттуда все оставшиеся у неприятеля корабли, торговые и рыболовные.

Государство Блефуску, сказал он, жило до сих пор рыболовством и торговлей. Если отнять у него флот, оно должно будет навсегда покориться Лилипутии, выдать императору всех тупоконечников и признать священный закон, который гласит: «Разбивай яйца с острого конца».

Гулливвер осторожно ответил императору, что он всегда рад служить его лилипутскому величеству, но должен отказаться от милостивого поручения. Он сам долго носил цепи и поэтому не может решиться обратить в рабство целый народ.

Император ничего не сказал и ушёл во дворец. А Гулливвер понял, что с этой минуты он навсегда теряет милость государя.

Император, который мечтает завоевать мир, не прощает тех, кто осмеливается стать ему поперёк дороги.

И в самом деле, после этого разговора Гулливера перестали приглашать ко двору. Он бродил один вокруг своего замка, и придворные кареты не останавливались больше у его порога.

Только однажды пышная процессия вышла из ворот Мильдендо и направилась к жилищу Гулливера. Это было блефускуанское посольство, которое прибыло к императору Лилипутии для заключения мира.

Шесть послов и шестьдесят человек свиты уже третью неделю жили в Мильдендо. Они спорили с лилипутскими министрами о том, сколько золота, скота и хлеба должен отдать император Блефуску за возвращение хотя бы половины флота, уведённого Гулливером.

Мир между обоими государствами был наконец заключён. Посольство Блефуску согласилось почти на все условия и уже готовилось к отъезду на родину.

Послы были удивлены, что им ни разу не случилось увидеть при дворе Гулливера, завоевателя их флота.

Кто-то на ухо рассказал одному из послов, почему разгневался император на Человека-Гору. Тогда послы решили навестить Гулливера в его замке и пригласить его на остров Блефуску.

Им было интересно увидеть вблизи Человека-Гору, про которого они столько слышали от блефускуанских моряков и лилипутских министров.

Гулливер любезно принял чужеземных гостей, обещал побывать у них на родине, а на прощание подержал всех послов вместе с их лошадьми у себя на ладонях и показал им город Мильдендо с высоты своего роста.

18

Вечером, когда Гулливер уже собирался ложиться спать, в дверь его замка тихонько постучали.

Гулливер перешагнул через порог и увидел перед своей дверью двух людей, которые держали на плечах крытые носилки.

На носилках, в бархатном кресле, сидел человек. Лица его не было видно, потому что он закутался в плащ и надвинул на лоб шляпу.

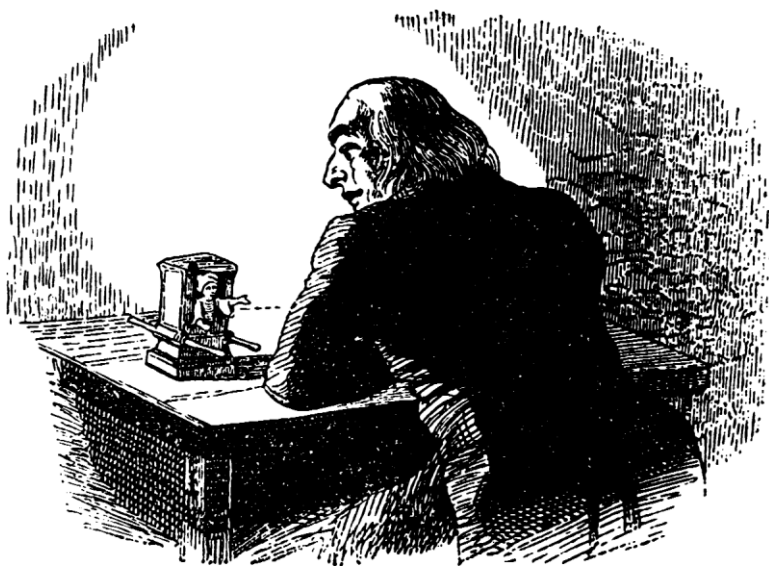
Увидев Гулливера, человек отослал своих слуг в город и приказал им вернуться через час.

Когда слуги удалились, ночной гость сказал Гулливеру, что хочет открыть ему очень важную тайну.

Гулливер поднял носилки с земли, спрятал их вместе с гостем в карман своего камзола и вернулся к себе в замок.

Там он плотно закрыл двери и поставил носилки на стол.

Тогда только гость распахнул свой плащ и снял шляпу. Гулливер узнал в нём одного из придворных, которого он недавно выручил из беды.

Ещё в то время, когда Гулливер бывал при дворе, он случайно узнал, что этого придворного считают тайным тупоконечником. Гулливер заступился за него и доказал императору, что его оклеветали враги.

Теперь придворный явился к Гулливеру, чтобы, в свою очередь, оказать Куинбусу Флестрину дружескую услугу.

— Только что, — сказал он, — в тайном совете была решена ваша участь. Адмирал доложил императору, что вы принимали у себя послов враждебной страны и показывали им с ладони нашу столицу. Все министры требовали вашей казни. Одни предлагали поджечь ваш дом, окружив его двадцатитысячной армией; другие — отравить вас, пропитав ядом ваше платье и рубашку; третьи — уморить голодом. И только государственный секретарь Рельдрессель советовал оставить вас в живых, но выколоть вам оба глаза. Он говорил, что потеря глаз не лишит вас силы и даже прибавит вам храбрости, так как человек, который не видит опасностей, ничего на свете не боится. В конце концов, наш милостивый император согласился с Рельдресселем и приказал завтра же ослепить вас остро отточенными стрелами. Если можете, спасайтесь, а я должен немедленно удалиться от вас так же тайно, как и прибыл сюда.

Гулливер тихонько вынес своего гостя за дверь, где его уже поджидали слуги, а сам, недолго думая, стал готовиться к побегу.

19

С одеялом под мышкой Гулливер вышел на берег. Осторожными шагами пробрался он в гавань, где стоял на якоре лилипутский флот. В гавани не было ни души. Гулливер выбрал из всех кораблей самый большой, привязал к его носу верёвку, уложил в него свой камзол, одеяло и башмаки, а потом поднял якорь и потянул корабль за собой в море. Тихо, стараясь не плеснуть, дошёл он до середины пролива, а дальше поплыл.

Плыл он в ту самую сторону, откуда привёл недавно военные корабли, — в сторону Блефуску.

Добравшись до острова, он поставил корабль на якорь, потом надел камзол и башмаки и зашагал в столицу Блефуску.

Маленькие башни блестели при луне. Весь город ещё спал, и Гулливер не захотел будить жителей. Он лёг у городской стены, завернулся в одеяло и заснул.

Утром Гулливер постучал в городские ворота и попросил начальника стражи известить императора о том, что в его владения прибыл Человек-Гора.

Начальник стражи доложил об этом государственному секретарю, а тот императору. Император Блефуску со всем своим двором сейчас же выехал навстречу Гулливеру.

У ворот все мужчины соскочили с коней, а императрица и ее дамы вышли из кареты.

Гулливер лёг на землю, чтобы приветствовать блефускуанский двор. Он попросил позволения осмотреть остров, но ничего не сказал о своём бегстве из Лилипутии. Император и его министры решили, что Человек-Гора просто приехал к ним в гости, потому что его пригласили послы.

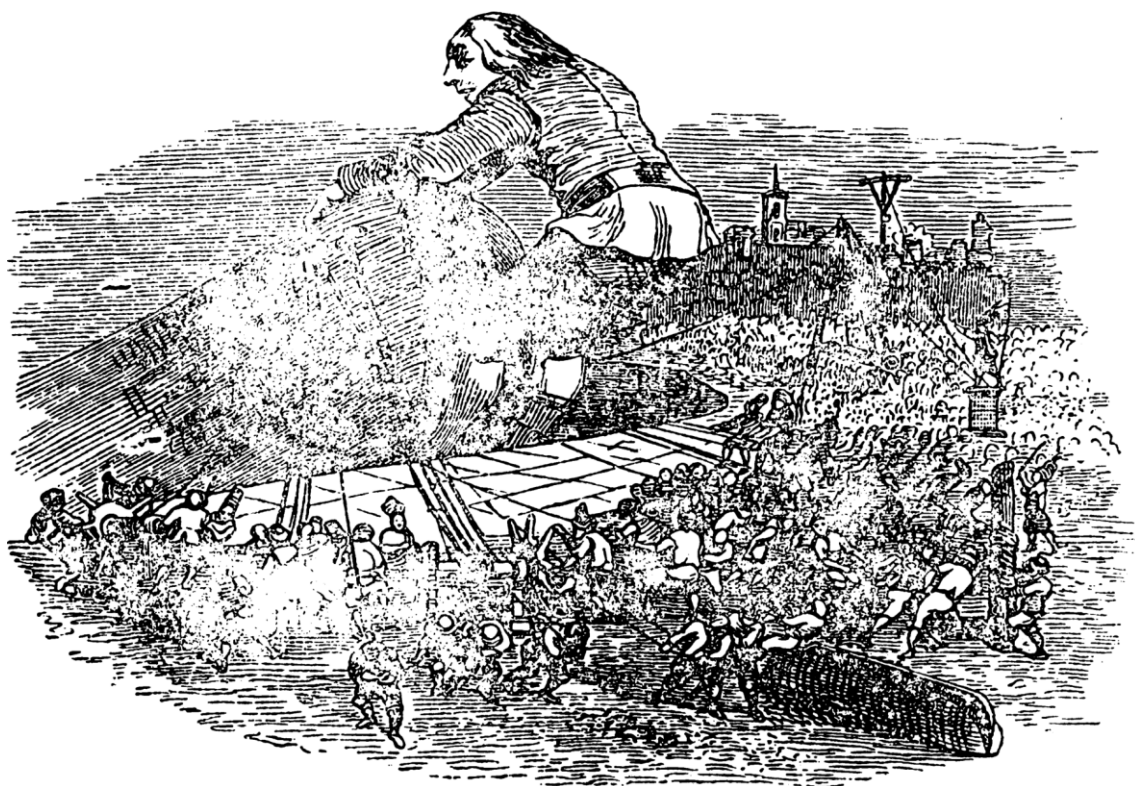
В честь Гулливера был устроен во дворце большой праздник. Для него зарезали много жирных быков и баранов, а когда снова наступила ночь, его оставили под открытым небом, потому что в Блефуску не нашлось для него подходящего помещения.

Он опять улёгся у городской стены, закутавшись в лилипутское лоскутное одеяло.

20

В три дня Гулливер обошёл всю империю Блефуску, осмотрел города, деревни и усадьбы. Повсюду за ним бегали толпы народа, как и в Лилипутии.

Разговаривать с жителями Блефуску ему было легко, так как блефускуанцы знают лилипутский язык не хуже, чем лилипуты знают блефускуанский.

Разгуливая по низким лесам, мягким лугам и узким дорожкам, Гулливер вышел на противоположный берег острова. Там он сел на камень и стал думать о том, что ему теперь делать — остаться ли на службе у императора Блефуску или просить у императора Лилипутии помилования. Вернуться к себе на родину он уже не надеялся.

И вдруг далеко в море он заметил что-то тёмное, похожее не то на скалу, не то на спину большого морского животного.

Гулливер снял башмаки и чулки и пошёл вброд посмотреть, что это такое. Скоро он понял, что это не скала. Скала не могла бы двигаться к берегу вместе с приливом. Это и не животное. Вернее всего, это опрокинутая лодка.

Сердце у Гулливера забилося. Он сразу вспомнил, что у него в кармане подзорная труба, и приставил её к глазу. Да, это была лодка. Вероятно, буря оторвала её от какого-то корабля и занесла к этим берегам.

Гулливер бегом побежал в Блефуску и попросил императора дать ему сейчас же двадцать самых больших кораблей, чтобы пригнать лодку к берегу.

Императору было интересно посмотреть на необыкновенную лодку, которую нашёл в море Человек-Гора. Он послал за ней корабли и приказал двум тысячам своих солдат помочь Гулливеру вытащить её на сушу.

Маленькие корабли подошли к большой лодке, зацепили её крючками и потянули за собой. А Гулливер плыл сзади и подталкивал лодку рукой. Наконец она уткнулась носом в берег. Тут две тысячи солдат дружно ухватились за привязанные к ней верёвки и помогли Гулливеру вытянуть её из воды.

Гулливер осмотрел лодку со всех сторон. Починить её было нетрудно. Не хватало только вёсел. Гулливер работал десять дней с утра до вечера. Он вырезал вёсла и законопатил дно. Во время работы тысячные толпы блефускуанцев стояли вокруг и смотрели, как Человек-Гора чинит лодку-гору.

Когда всё было готово, Гулливер пошёл к императору, стал перед ним на одно колено и сказал, что хотел бы завтра же пуститься в плавание, если его величество разрешит ему покинуть остров. Он давно соскучился по своей семье и друзьям и надеется встретить в море корабль, который отвезёт его на родину.

Император попробовал было уговорить Гулливера остаться у него на службе, обещая ему многочисленные награды и неизменную милость, но Гулливер стоял на своём.

Император должен был согласиться.

Конечно, ему очень хотелось оставить у себя на службе Человека-Гору, который один мог бы уничтожить неприятельскую армию или флот. Но если бы Гулливер остался жить в Блефуску, это непременно вызвало бы жестокую войну с Лилипутией.

Уже несколько дней тому назад император Блефуску получил от императора Лилипутии длинное письмо с требованием отправить назад в Мильдендо беглого Куинбуса Флестрина, связав его по рукам и ногам.

Блефускуанские министры долго думали о том, как ответить на это письмо. Наконец, после трёхдневного размышления, они написали ответ.

В их письме было сказано, что император Блефуску приветствует своего друга и брата, императора Лилипутии Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой, но вернуть ему Куинбуса Флестрина не может, так как Человек-Гора только что отплыл на огромном корабле неизвестно куда. Император Блефуску поздравляет своего возлюбленного брата и себя с избавлением от лишних забот и тяжёлых расходов.

Отослав это письмо, блефускуанцы стали торопливо собирать Гулливера в дорогу.

Они зарезали триста коров, чтобы смазать его лодку жиром, и отдали ему на паруса и снасти добрую половину всего холста и всех верёвок, которые были у них в государстве.

Гулливер погрузил в лодку множество воловьих и бараньих туш, а кроме того, захватил с собой в дорогу шесть живых коров и столько же овец с баранами.

24 сентября 1701 года, в шесть часов утра, Гулливер поднял парус и покинул остров Блефуску.

21

Свежий ветер ударил в парус и погнал лодку в открытое море.

Когда Гулливер обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на низкие берега Блефускуанского острова, он ничего не увидел, кроме воды и неба.

Остров исчез, как будто его никогда и не было.

К ночи Гулливер подошёл к маленькому скалистому островку, на котором жили одни улитки.

Это были самые обыкновенные улитки, каких Гулливер тысячу раз видел у себя на родине. Лилипутские и блефускуанские гу-си были намного меньше этих улиток.

Здесь, на островке, Гулливер поужинал, переночевал и утром двинулся дальше, взяв по своему карманному компасу курс на северо-восток. Он надеялся найти там обитаемые острова или встретить корабль.

Но прошёл день, а Гулливер по-прежнему был один в пустынном море.

Ни корабля, ни скалы, ни даже птицы.

Ветер то гремел парусом, то совсем утихал.

Когда парус повисал и мотался на мачте, как тряпка, Гулливер брался за вёсла. Но трудно было грести маленькими неудобными вёслами.

Гулливер скоро выбился из сил. Он уже стал думать, что ему никогда больше не увидать родины и больших людей. И вдруг на третий день пути, около пяти часов дня, он заметил вдали парус, который двигался, пересекая ему путь.

Гулливер принялся кричать, но ответа не было, — его не слышали. Корабль шёл мимо.

Гулливвер налёг на вёсла. Но расстояние между ним и кораблём не уменьшалось. На корабле были большие паруса, а у Гулливера — лоскутный парус и самодельные вёсла.

Но, на счастье Гулливера, ветер неожиданно упал, и корабль перестал убегать от лодки.

Гулливвер плыл, не спуская глаз с парусов. И вдруг на мачте корабля взвился флаг и грохнул пушечный выстрел.

Лодку заметили.

26 сентября, в шестом часу вечера, Гулливер поднялся на борт корабля.

Это было английское торговое судно, возвращавшееся из Японии. Капитан его, Джон Бидль из Дептфорда, оказался любезным человеком и прекрасным моряком. Он приветливо встретил Гулливера и отвёл ему удобную каюту. А когда Гулливер отдохнул, капитан попросил его рассказать, где он был и куда направляется.

Гулливвер вкратце рассказал ему свои приключения.

Капитан только посмотрел на него и грустно покачал головой.

Гулливвер понял, что капитан не верит ему и считает его человеком, потерявшим рассудок.

Тогда Гулливвер, ни слова не говоря, вытащил из своих карманов одну за другой лилипутских коров и овец и поставил их на стол.

Коровы и овцы разбрелись по столу, как по лужайке:

Капитан долго не мог прийти в себя от изумления.

Теперь только он поверил, что Гулливвер сказал ему чистую правду.

— Это самая замечательная история на свете! — воскликнул капитан.

22

Всё остальное путешествие Гулливвера было вполне благополучно, если не считать одной только неудачи. Корабельные крысы утащили у него овцу из лилипутского стада.

В щели своей каюты Гулливвер нашёл её косточки, начисто обглоданные.

Все другие овцы и коровы остались целы и невредимы. Они отлично перенесли долгое плавание. В пути Гулливвер кормил их сухарями, растёртыми в порошок и размоченными в воде.

Корабль шёл к берегам Англии на всех парусах.

13 апреля 1702 года Гулливвер сошёл по трапу на родной берег и скоро обнял свою жену, дочь Бетти и сына Джонни.

Так счастливо окончились чудесные приключения корабельного врача Гулливвера в стране лилипутов и на острове Блефуску.

ЛЕНИЗДАТ